

Сергей Свой

**Настоящий
Спартак - 2 .
Цикл "Герои
древнего
Мира"**

18+

Сергей Свой

**Настоящий Спартак - 2 .
Цикл "Герои древнего Мира"**

«Автор»

2026

Свой С.

Настоящий Спартак - 2 . Цикл "Герои древнего Мира" /
С. Свой — «Автор», 2026

Итак, Спартак (наш половец - Алексей Вяткин) решил что взяв в союзники врага Рима - Митридата, он сможет покорить Вечный город. Комплект из умелого командира нашего времени и опытного руководителя бойцов времен Древнего Рима - взрывоопасная смесь! Ну а что потом ... А если интересно - прочтете)))

© Свой С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Свой

Настоящий Спартак - 2 .

Цикл "Герои древнего Мира"

Глава 1

Глава 1. Священный Союз и Проклятый Огонь

Ветер с Ионического моря приносил не только запах соли и свободы, но и тяжелый дух чуждой дисциплины. С палубы «Бури», стоявшей на якоре в крошечной, но глубоководной бухте к югу от Кротона, Спартак наблюдал за высадкой.

Не армия — мечта сатрапа.

Понтийские воины сходили на италийскую землю волнами: фалангиты в чешуйчатых панцирях и бронзовых шлемах с султанами, лучники в ярких, расшитых одеждах, конница катафрактов, где даже кони были укрыты металлическими пластинами, сверкавшими под осенним солнцем. Золотые штандарты с изображением звезды и полумесяца реяли над стройными колоннами. Это была не орда борцов за свободу, как его легионы, а профессиональная, имперская военная машина. Чуждая. Идеальная.

— Красиво, — хрипло проговорил Эномай, стоящий на плече левее. Его массивная фигура в полированной кирасе, сколоченной из римских пластин, казалась неуклюжей глыбой рядом с утонченным коринфским шлемом Аполлодора, стоящего по правую руку. — Только блеска много. Шумят, как рынок в Сиракузах.

— Они должны демонстрировать могущество, — беззвучно, лишь для него, ответил Спартак, не отрывая взгляда от берега. — Митридат покупает союз зрелищем. Он понимает язык силы. Пока мы сильнее — он наш брат. Стоит нам дрогнуть...

Он не договорил. В голове Алексея Вяткина всплывали картинки из другой жизни: союзники по коалициям, чьи интересы совпадали ровно до первой серьезной потери или более выгодного предложения от противника. Митридат VI Евпатор, царь Понта, переживший три войны с Римом и утопивший в крови Малую Азию, был не соратником по идее. Он был тактическим партнером. Самой опасной разновидностью.

— Господин, — тихо сказал Аполлодор. Афинский философ, посланник и глаза царя, давно перестал быть просто наблюдателем. Он стал мостом между двумя мирами — фанатичной волей восставших рабов и холодным расчетом эллинистического монарха. — Царь ожидает тебя в своем шатре. Он желает обсудить планы похода до того, как легионы Красса перелезят через Апеннины.

— Царь подождет, — отрезал Спартак, наконец оборачиваясь к нему. Взгляд его, серый и плоский, как лезвие, заставил даже видавшего виды грека сделать микроскопическую паузу. — Сначала я должен увидеть все. Понять, с чем имею дело. Сколько у него настоящих бойцов, а сколько — парадной свиты. Как организован лагерь. Как относятся к местным. Мой народ прошел огонь, голод и предательство. Я не позволю, чтобы его теперь растоптала понтийская спесь.

Аполлодор кивнул, скрывая досаду за покровом учтивости. Он давно понял, что имеет дело не с харизматичным дикарем-предводителем, а с чем-то гораздо более страшным и непонятным — полководцем, чья тактическая мысль опережала время на тысячелетия, а мрачная, сосредоточенная жестокость не имела ничего общего с гневом фракийца. Это была холодная, системная жестокость инженера, разбирающего неисправный механизм.

Спартак спустился в шлюпку. За ним, не приглашенные, последовали Эномай и Бренн. Молчание между ними было красноречивее любых слов. Они были его щитом и кинжалом, плотью от плоти армии, его единственным безусловным доверием.

Лагерь понтийцев раскинулся на прибрежной равнине, быстро превращаясь в укрепленный город. Рабы-саперы, которых Митридат привез с собой, рыли ров и ставили частокол с методичной скоростью, которой позавидовал бы любой римский трибун. Внутри царил строгий порядок: конница отдельно, пехота отдельно, обоз в центре. Патрули. Сигнальные посты.

«Хорошо», — отметил про себя Вяткин. — «Дисциплина. Значит, можно договориться. Ими можно управлять».

Шатёр Митридада был шедевром восточной роскоши. Пурпурный полог, расшитый золотыми нитями, ковры, заглушавшие каждый шаг, низкие столики с яствами и винами в кратерах из серебра. Воздух был густ от запахов дорогих масел, вина и власти.

Сам царь восседал на складном троне. Митридату было за шестьдесят, но он выглядел на сорок — мощный, широкоплечий, с густыми, тщательно уложенными волосами и пронзительным взглядом охотника. Его лицо, хранившее следы былой красоты, было испещрено сеточкой морщин — не от возраста, а от постоянного напряжения. Рядом с ним, поодаль, стояли его военачальники — греки, персы, армяне. Их глаза, полные любопытства, высокомерия и скрытого страха, проводили Спартака от входа до центра шатра.

— Спартак! — голос царя был густым, хорошо поставленным, рассчитанным на заполнение пространства. — Освободитель рабов! Гроза Рима! Наконец-то мы встречаемся не через гонцов, а лицом к лицу. Добро пожаловать в священный союз!

Спартак остановился в двух шагах от трона, не кланяясь. Эномай и Бренн замерли у входа, как каменные идола.

— Царь Митридат, — кивнул Спартак коротко, по-солдатски. — Союз скреплен кровью. Голова сына Красса была лишь первым взносом.

Легкая тень пробежала по лицам понтийских военачальников. Они ожидали лести, церемониальных заверений в дружбе. Вместо этого получили сухой отчет о выполненном контракте.

— Да, — улыбка Митридада стала немного жестче. — И доказательство было... убедительным. Твоя тактика разгрома Помпея изучается сейчас моими стратегами. Необычно. Дерзко. Эффективно. Но теперь перед нами Марк Красс. Не молодой честолюбец, а старая лиса. Богатейший человек в Риме, купивший себе армию. Он не будет бросаться в погоню. Он будет давить.

— Он уже давит, — сказал Спартак. — Его легионы движутся из Пицена. Он применил децимацию к своим солдатам после первых стычек, чтобы восстановить дисциплину. Он не ищет славы Помпея. Он ищет тотального уничтожения. Для него это не война, а инженерная задача: снести проблему с лица земли.

Митридат прищурился. Информация о децимации ещё не дошла до него. Этот варвар, этот бывший раб, обладал разведкой, которой позавидовала бы любая царская тайная служба.

— Тем более наш союз своевременен, — произнес царь, делая знак виночерпию. — Объединенная армия. Моя фаланга — твоя железная пехота. Моя конница — твои летучие когорты. Мы сомкнем ряды и раздавим Красса на равнине. Затем — марш на Рим.

— Нет, — спокойно ответил Спартак.

В шатре воцарилась тишина, которую можно было потрогать. Даже Эномай за спиной Спартака едва слышно крикнул от напряжения.

— Ты отказываешься от похода на Рим? — голос Митридада потерял всякую теплоту.

— Я отказываюсь от лобового сражения на равнине, которое хочет навязать нам Красс, — поправил его Спартак. — У него шесть легионов, плюс вспомогательные части. Всего около сорока тысяч человек. У нас вместе — около шестидесяти. Численный перевес есть, но у него

— позиция, дисциплина и время. Он выберет поле, где его фланги будут защищены, и построит укрепленный лагерь. Он будет вынуждать нас атаковать его стены, истощая наши силы. А потом, когда мы будем измотаны, ударит всеми резервами.

— Что ты предлагаешь? — спросил один из понтийских стратегов, грек с умным, жестким лицом.

— Мы не дадим ему выбрать поле боя, — сказал Спартак, и в его голосе впервые прозвучали стальные нотки плана. — Мы заставим его танцевать под нашу дудку. Его сила — в единстве армии. Наша сила — в скорости, в знании местности и в неожиданности. Мы разделимся.

В шатре поднялся ропот недоверия.

— Разделиться перед лицом превосходящего противника? Это безумие! — воскликнул армянский князь.

— Это стандартная тактика против линейного построения, — холодно парировал Спартак, заставляя незнакомый термин звучать как нечто само собой разумеющееся. — Красс будет двигаться одной массой, прикрывая обозы. Мы разделим наши силы на три оперативные группы. Первая, под моим командованием и с основными силами царя, будет демонстративно отступать на юг, в горы Лукании, заманивая Красса. Вторая, легкая, под командованием Бренна и понтийской конницы, будет изводить его фланги и тылы, рейдировать его коммуникации, захватывать обозы. Третья, под командованием Крикса и Эномая, скрытно двинется на север, обойдя Красса, и создаст угрозу его основным базам снабжения в Кампании. Возможно, даже сделает вид, что угрожает самому Риму.

— Рискованно, — пробормотал Митридат, но в его глазах вспыхнул азарт. Он был игроком. Он понял суть. — Если одна из групп будет достигнута и разбита...

— Ни одна группа не будет вступать в генеральное сражение, — отрезал Спартак. — Их задача — измотать, разозлить, заставить Красса метаться. Он либо бросится преследовать мою группу в горы, где его легионы потеряют строй, либо побежит спасать Кампанию, растянув колонну. Вот тогда мы, используя горные проходы, соединимся и ударим по его растянутым силам по частям. Разгромим не в одном большом сражении, а в трех-четыре малых.

Грек-стратег смотрел на Спартака с откровенным изумлением. Это был не план полководца древности, мечтающего о единой, славной битве. Это был план системного разрушения вражеской машины, план, который рассматривал армию Красса не как героического противника, а как уязвимый логистический организм.

— А если он не клюнет? Если он просто укрепитесь где-нибудь и будет ждать? — спросил Митридат.

— Тогда мы всей массой обойдем его и пойдем на Рим, оставив его грызть землю в пустой Кампании, — пожал плечами Спартак. — Но он клюнет. Потому что сенат в Риме уже в панике. Ему нужна быстрая, решительная победа. Его богатство купило ему командование, но не купило времени. Каждый день нашей войны — это удар по его репутации и кошельку. Он будет вынужден реагировать.

Митридат откинулся на спинку трона, разглядывая Спартака как диковинный, но крайне полезный инструмент.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Мы попробуем твой план. Но есть одно условие. В решающий момент, когда легионы Красса будут расчленены, я хочу увидеть в действии то самое «огненное оружие», слухи о котором доходят даже до Понта. Тот самый огонь, что сжег Помпея.

В глазах Спартака что-то едва заметно дрогнуло. Это был единственный пункт, в котором он не хотел уступать.

— Огонь — оружие последнего удара. Он непредсказуем. Он опасен для тех, кто его применяет.

— Тем не менее, я настаиваю, — мягко, но не допуская возражений, сказал царь. — Я должен видеть, на что способен мой союзник. И... оценить, стоит ли эта сила того, чтобы делить с тобой Италию.

Внутри Алексея Вяткина всё сжалось в ледяной ком. Это был ультиматум. Раскрыть главный технологический секрет, свою «подушку безопасности», в обмен на полное доверие союзника. Старая игра разведок: самый ценный агент — это тот, кто отдал тебе все свои секреты. Теперь он становится управляемым.

— Хорошо, — скрипя зубами, сказал Спартак. — Вы увидите огонь. Но только в момент, который выберу я. И доступ к нему будут иметь только мои люди. Леонтий и Махар.

— Приемлемо, — улыбнулся Митридат, достигнув цели. — Теперь давайте обсудим детали маршрутов и связь между группами.

Совещание длилось ещё несколько часов. Когда Спартак, Эномай и Бренн покинули пурпурный шатёр, уже сгустились сумерки.

— Проклятая лиса, — проворчал Эномай, едва они вышли за пределы понтийского лагеря. — Он хочет украсть наш огонь. Чует, что в нём сила.

— Он не украдет, — глухо ответил Спартак, глядя на первые звёзды на темнеющем небе. — Он попытается. Наша задача — сделать так, чтобы попытка стоила ему дороже, чем победа над Римом. Бренн, твои «Тени» удваивают наблюдение за понтийскими лазутчиками. Особенно за теми, кто будет проявлять интерес к обозу в тылу.

— Будет сделано, — кивнул галл.

— А как же план с разделением? — спросил Эномай. — Доверять им наши фланги?

— Мы не доверяем, — сказал Спартак, останавливаясь и поворачиваясь к ним. В его глазах горел тот самый холодный, расчётливый огонь, который видели лишь немногие. — Мы используем. Их конница действительно хороша для рейдов. Их фаланга — отличная стена, за которой мы сможем перегруппироваться. Но решающий удар нанесет «Железный легион» и «Ударные когорты». Наша сила, наша дисциплина. И наш огонь. Они будут щитом. Мы — мечом. А теперь идите. Завтра на рассвете — совет командиров. Мы начинаем Великую Игру.

В тот же вечер, в двадцати милях к северу, в лагере, разбитом у подножия Апеннин, царила мертвая тишина, нарушаемая лишь скрипом телег, да редкими окриками часовых.

Лагерь Марка Лициния Красса был образцом римской военной мысли: квадрат, поделенный на улицы, с преторием в центре, валом, частоколом и строго регламентированной жизнью сорока тысяч человек. Но над этим лагерем витал дух, которого не знали даже в самые тяжёлые времена войн с кимврами или Югуртой. Дух страха.

Децимация — казнь каждого десятого легионера в провинившейся когорте — была проведена три дня назад. По приказу Красса, за нерешительность в стычке с летучими отрядами повстанцев. Солдаты сами забивали камнями и дубинами своих товарищей, выбранных жребием. С тех пор в лагере не слышали песен, не было слышно даже обычного солдатского бранного говора. Армия молчала. И в этом молчании зрела не столько дисциплина, сколько глухая, безысходная ярость, направленная как на врага, так и на своего командующего.

В претории, освещённом масляными лампами, Марк Красс изучал карты. Он был полной противоположностью Спартаку — грузный, с умным, не лишенным обаяния, но сейчас изможденным лицом. Его пальцы, привыкшие перебирать финансовые отчёты, теперь водили по линиям, обозначающим горные хребты и реки Италии.

Перед ним стояли трибуны и легаты. Самый молодой из них, Гай Кассий Лонгин, только что вернувшийся из разведки, докладывал, сдерживая волнение:

— ...союз подтверждён, проконсул. Армия Митридада высадилась в полном составе у Кротона. Наши наблюдатели оценивают её численность в двадцать-двадцать пять тысяч. В

основном пехота и тяжёлая конница. И они уже соединились с силами Спартака. Общая численность — более шестидесяти тысяч.

В палатке стало тихо. Шестидесят тысяч. Против сорока. И это не нестройные толпы варваров, а закалённая в боях армия рабов, усиленная профессиональными восточными войсками.

— Спартак... и Митридат, — тихо, будто размышляя вслух, произнёс Красс. — Крыса и змея. Идеальный союз. Что они замышляют? Кассий, как стоят их лагеря? Вместе или раздельно?

— Раздельны, но в пределах видимости, проконсул. Между ними — нейтральная полоса, но патрулируют её совместно.

— Значит, доверия нет, — заключил Красс, и в его глазах блеснул огонёк. — Они боятся друг друга почти так же, как нас. Это можно использовать. Они будут пытаться использовать друг друга как таран. Значит, их планы будут сложными, требующими координации. А что рушит сложные планы?

Он посмотрел на своих офицеров.

— Скорость и непредсказуемость, — ответил за всех легат Луций Мамиллий, старый солдат, поседевший в боях.

— Верно, — кивнул Красс. — Мы не будем ждать, пока они объединятся и выработают общую стратегию. Мы нанесём удар первыми. Не по основной массе. По стыку.

Он ткнул пальцем в точку на карте между двумя условными значками.

— Здесь, в долине близ Грументума. Если они начнут движение, их колонны неизбежно растянутся. Мы скрытно выдвинем два легиона и всю конницу. И ударим не по голове или хвосту, а по самому слабому месту — по точке, где заканчивается ответственность одного союзника и начинается ответственность другого. Мы вклинимся между ними. И будем громить по частям.

— Это рискованно, — осторожно заметил Кассий. — Если они вовремя среагируют и сомкнут клещи...

— Они не сомкнут, — холодно прервал его Красс. — Потому что мы ударим не тогда, когда они будут в походе, а тогда, когда они будут налаживать совместный лагерь. В сумерках. Когда понтийские военачальники будут пировать, а эти псы-гладиаторы — делить скудный паёк. Мы ударим по их гордыне и по их взаимному недоверию. И мы используем их же оружие.

Все присутствующие насторожились.

— Оружие? — переспросил Мамиллий.

— Паника, — сказал Красс. — Мы запустим слух в их ряды. Слух о том, что Митридат уже договорился с Римом и предаст Спартака в первом же сражении. И наоборот. Я уже направил агентов. Пусть яд сомнения сделает за нас первую часть работы.

Он откинулся на спинку кресла, и его лицо в свете ламп казалось вырезанным из старого желтого мрамора.

— Мы двинемся на рассвете. Цель — Грументум. Мы заставим эту свору из рабов и наёмников играть по нашим правилам. По римским правилам. Где нет места пророческим видениям и адскому огню. Только сталь, дисциплина и воля. Давайте, готовьте легионы. И помните: каждый, кто отступит без приказа, разделит участь децимированных. Рим смотрит на нас. И мы не можем позволить ему увидеть наше поражение.

Когда офицеры вышли, в палатке остался только Красс и его личный секретарь, грек.

— Проконсул, — тихо сказал грек. — А если слухи об огне... правдивы? Что, если у них действительно есть сила, способная сжечь легион?

Красс долго смотрел на пламя лампы.

— Тогда, Аристон, нам останется только одно: сражаться так, чтобы даже адский огонь не смог спасти их от римского меча. Или найти того, кто знает секрет этого огня, и купить его.

Всё в этом мире имеет свою цену. Даже предательство. Особенно предательство. Найди мне Леонтия или Махара. Живыми. Цена не имеет значения.

А в горах, в глубокой, скрытой от посторонних глаз пещере близ Везувия, где текли ручьи с сернистой водой, горели факелы, освещая нечто, напоминавшее кузницу и алхимическую лабораторию одновременно.

Леонтий, худой и седой, с глазами, выжженными бессонницей и огнём, осторожно переливал густую, маслянистую жидкость из одного глиняного сосуда в другой. Рядом Махар, коренной сириец с обожженными руками, растирал в каменной ступе смесь селитры, серы и угля, добытого по особому секрету из ивовой коры.

— Он требует слишком много, — прошептал Махар, не отрываясь от работы. — «Адской воды» на два воза. «Духа огня» — на десять амфор. Он хочет выжечь целую долину.

— Он хочет выжечь Рим, — безразличным тоном ответил Леонтий. — А теперь ещё и понтийский царь жаждет зрелища. Мы создаём оружие богов, а они смотрят на него, как на фокус бродячего фокусника.

— Оно выйдет из-под контроля, — мрачно сказал Махар. — Последние испытания... помнишь пещеру у Силара? От него не осталось даже пепла. Только стекло на камнях.

— Знаю, — Леонтий поставил сосуд в нишу, выдолбленную в скале. — Но это наш крест. Мы зажгли этот огонь. Мы должны нести его. И мы должны быть уверены, что, когда придёт время, он сожжёт именно тех, кого нужно. А не нас самих.

Он подошёл к грубо сколоченному столу, где среди свитков с чертежами лежала маленькая, тщательно замаскированная записка, доставленная «Тенью» часа два назад. В ней было всего три слова, нацарапанные рукой Агенобарба: «Красс ищет вас».

Леонтий сжёг записку в пламени факела и посмотрел на Махара.

— Упаковывай самые важные рецепты. Те, что в голове. Мы покинем эту мастерскую до рассвета. У Спартака есть для нас новое место. Ещё глубже в горах. Туда, где не ступала нога даже самнита.

— Бежать? — удивился Махар.

— Не бежать, — поправил его Леонтий. — Передислоцироваться. Война идёт не только на полях. Она идёт здесь, — он ткнул пальцем в свой висок. — И за нас уже начали охоту. Пора стать призраками.

Далеко на севере, в Риме, в доме Красса на Палатине, его жена Тертулла металась в тревоге, прислушиваясь к доносящемуся с форума гулу толпы. Толпа требовала крови. Крови либо Спартака, либо самого Красса. А на столе в её покоях лежало письмо от брата, Гая Кассия, срочно доставленное гонцом. Всего несколько строчек: «Осторожней с греком Аристоном. Его интересует не только служба твоему мужу».

И в эту же ночь, в лагере союзников, самнитский вождь Мутил, сидя у костра с вождями пелигнов и марсов, говорил тихо и сурово:

— Рим слаб. Но союзники эти... они не наши. Фракиец смотрит сквозь нас, как сквозь воздух. Понтиец видит в нас дикарей. Мы проливаем кровь за свою землю, но когда Рим падёт, кому достанется Италия? Им. Чужакам. Возможно, пришло время вспомнить, что у нас есть свои интересы. И свои боги, которые не любят, когда им приносят жертвы чужими руками.

Сеть заговоров, страхов, планов и предательств опутывала Апеннинский полуостров. И где-то в центре этой паутины, стоя на холме между двумя лагерями и глядя в чёрное, безлунное небо, Спартак-Вяткин чувствовал знакомое, ледяное покалывание в затылке. То самое «мистическое предвидение». Картинки мелькали обрывками: конница, скачущая ночью по пыльной дороге... вспышка ослепительного, немислимого огня, пожирающего ряды щитов... лицо Красса, искажённое не гневом, а холодным, математическим удовлетворением... и тень, свою собственную тень, падающую не туда, куда должна падать тень от огня...

Грядущий день не принесёт генерального сражения. Он принесёт первую, кровавую разведку боем. Игру, в которой ставкой будут уже не просто жизни, а сама душа этой войны. И Спартак знал, что должен сделать следующий ход. Не ответный. Опережающий.

Он обернулся и твёрдым шагом пошёл к своему лагерю, где его уже ждали командиры. Война вступала в новую фазу. Фазу священных союзов и проклятого огня. И только один человек во всей Италии понимал, что истинная битва только начинается. Битва за то, чьё видение будущего — его, римское или своё, чудовищное и свободное — станет реальностью.

Глава 2

ГЛАВА 2. КРОВЬ У ГРУМЕНТУМА

Рассвет над долиной реки Агри был холодным и влажным. Туман, словно белая, медленная река, стлался по низинам, скрывая подножья холмов и извивы проселочных дорог. Для обычного наблюдателя — мирная, даже тоскливая картина пробуждающейся Кампании. Для глаза знающего — идеальная завеса для передвижений и идеальное поле для засад.

Два римских легиона — «Первый Железный» и «Третий Августов» — вместе с алой когортой испанской конницы, уже четыре часа как замерли в ложбине в пяти милях к северо-западу от Грументума. Они не разводили костров, не перекликались. Тысячи людей, закованных в железо и кожу, дышали белыми облачками в сыром воздухе, превратившись в часть ландшафта. Приказ Красса был краток и страшен: тишина или смерть.

На небольшом холмике, поросшем дубами, с которых капала ночная влага, стоял сам проконсул. Рядом — Гай Кассий Лонгин и легат Мамилий. Они вглядывались в расстилающуюся внизу долину, где сквозь разрывы тумана угадывались очертания двух лагерей. Лагерь понтов, устроенный с восточным размахом, был ближе. Лагерь спартаковцев — западнее, строже, без украшений, словно гигантский шипастый ёж.

— Туман работает на нас, — тихо произнес Кассий. — Мы сможем подойти на расстояние одного перехода, прежде чем их дозорные что-либо увидят.

— Туман работает на всех, — без выражения ответил Красс, не отрывая взгляда от далеких частоколов. — Он скрывает нас. Но он же скрывает и их манёвры. Где их конница? Где эти «летучие когорты» галла Бренна?

— Разведка докладывала вчера к вечеру: основные силы их конницы патрулируют дорогу на Силару, — сказал Мамилий.

— «Вчера к вечеру» — это уже история, — отрезал Красс. — Спартак не дурак. Он знает, что первое правило после соединения с ненадёжным союзником — прикрыть фланги. Если он не выставил заслонов с этой стороны, значит...

Он не договорил. Его пальцы нервно постукивали по эфесу короткого меча-гладия.

— Значит, он хочет, чтобы мы атаковали именно здесь, — закончил за него Кассий, и в его голосе прозвучала тревога.

Красс медленно кивнул.

— Возможно. Или он настолько уверен в силе своего нового союзника, что решил, что восточная стена из копий и щитов надёжнее любого заслона. В любом случае, мы не можем отступить. Сенат... — он презрительно скривил губы, — и мой собственный кредитор ждут действий. Мы нанесём удар. Но не по стыку, как планировали изначально.

Он повернулся к командирам, и в его глазах зажегся холодный, расчётливый огонь, который заставил даже выдавшего виды Мамилия внутренне содрогнуться.

— Мы ударим по понтам. Только по ним. Со всей яростью.

— Проконсул? — не понял Кассий. — Но цель — расколоть союз! Если мы обрушимся на Митридата, Спартак придёт ему на помощь!

— Именно на это я и рассчитываю, — сказал Красс. — Понты — приглашённые гости. Они сражаются за добычу и славу царя, а не за свою шкуру. Их боевой дух — хрупкая стеклянная игрушка. Мы нанесём мощный, ошеломляющий удар по их северному валу, создадим видимость прорыва. Паника среди восточных войск — неизбежна. И тогда... тогда Спартак будет вынужден бросить свои резервы на помощь союзнику. Вот его-то резервы, выходящие из своего укрепленного лагеря на открытое поле, и будут нашей настоящей целью.

Он провёл рукой по воздуху, будто рассекая невидимую карту.

— Как только «железные когорты» рабов двинутся на помощь понтам, наша испанская конница и два манипула «Третьего Августова» ударят им во фланг. Мы зажмём их между нашим основным ударным кулаком и паникующими понтами. И там, в этой давке, мы их уничтожим. Союз будет не просто расколот — он будет утоплен в крови и взаимных обвинениях.

Мамиллий смотрел на командующего с откровенным восхищением. Это был гениальный и безжалостный план, игравший на самых низменных инстинктах: панике, недоверии, желании спасти свою жизнь.

— А если Спартак не кинется на помощь? Если он просто будет наблюдать, как мы режем понтов? — осмелился спросить Кассий.

— Тогда, — холодно улыбнулся Красс, — мы прорвёмся в лагерь Митридата, захватим его знамёна, а может, и самого царя или его военачальников. И уйдём до подхода основных сил Спартака. Союз после такого унижения рассыпется сам. Митридат обвинит фракийца в предательстве и либо уйдёт, либо повернёт оружие против него. В любом случае, мы выигрываем. Отдавайте приказы. Атака начинается с первыми лучами солнца, когда туман начнёт рассеиваться. Пусть увидят наши штандарты уже в самой гуще их стана.

В лагере Спартака царила тишина иного рода — сосредоточенная, напряжённая, как тетива натянутого лука. Ещё до рассвета, когда звёзды только начинали бледнеть, Спартак уже обходил позиции. Он шёл неспешно, в простом кольчужном хауберте, без шлема, и его внимательный, сканирующий взгляд замечал всё: где боец зевнул, где пилум лежит не так, где натяжение верёвки у палатки ослабло.

Эномай, тяжело ступая за ним, докладывал низким голосом:

— «Железный легион» в полной готовности. Крикс со своими галлами — на левом фланге, опирается в тот самый холм. Бренна нет. Он с конницей и «Тенями» там, где ты приказал.

— Хорошо, — кивнул Спартак. Внутри него, в сознании Алексея Вяткина, работал безостановочный аналитический аппарат. Карта местности, данные разведки, психологические портреты Красса и Митридата, прогноз погоды — всё сводилось воедино. И выводилась тревожная вероятность: удар после рассвета. По точке наименьшего сопротивления. По союзнику.

Он остановился, глядя на восток, где за туманом мерцали огни понтийского лагеря. Оттуда доносились редкие звуки — ржание коней, далёкий окрик. Они не ждали нападения. Они ждали пира и дележа будущей добычи.

— Агенобарб, — позвал Спартак, не повышая голоса.

Из тени рядом с повозкой, гружёной бочками с водой, материализовалась фигура. Римский перебежчик, командир «Теней», двигался бесшумно, как кошка. Его лицо, изуродованное старым шрамом от щеки до подбородка, было бесстрастным.

— Господин.

— Красс в движении?

— Да. Его разведка активна с полуночи. Основные силы замерли в пяти милях к северо-западу. Конница — на фланге. Они ждут рассвета.

— Они ударят по понтам, — констатировал Спартак, и в его голосе не было ни капли сомнения. — Попытаются вызвать панику и выманить нас на открытую местность.

Эномай хмыкнул:

— Значит, мы им не помешаем? Пусть царь почувствует, каково это — драться с римлянами без наших «огненных игрушек».

— Нет, — резко сказал Спартак. — Если мы позволим римлянам разгромить понтов, Митридат либо погибнет, либо отступит на корабли. Наша стратегия рухнет. Мы должны помочь. Но помочь так, чтобы сохранить свои силы и... преподать урок царю.

В его глазах мелькнуло что-то опасное.

— Мы не бросим в лобовую нашу пехоту. Мы ударим по тому, кто будет ждать нашего удара по флангу. По их коннице и засадным манипулам. Агенобарб, твои «Тени» уже на позициях?

— Да. Заложили «подарки» на предполагаемых путях подхода римской конницы. И отметили цели для «духа».

— Отлично. Эномай, передай Криксу: как только услышит бой на востоке и увидит римские манипулы, выдвигающиеся для удара по нашему флангу, — атаковать их немедленно и с максимальной яростью. Не дать им перестроиться. Я поведу «Железный легион» на помощь понтам, но только после того, как завязнут их основные силы. Мы будем не щитом, а молотом, который бьёт по наковальне. А наковальней пусть будут легионы Красса.

Он снова посмотрел на восток, где небо начало светлеть у самого горизонта, окрашивая туман в грязно-серые тона.

— И разбуди Дазия. Пусть идет к Митридаду. Царь должен знать, что помощь идёт. Но идёт на наших условиях. И пусть Аполлодор будет рядом. Я хочу, чтобы он всё видел.

В понтийском лагере царило утреннее смятение, привычное для большой, разношерстной армии. Греческие наемники варили похлебку, фракийские союзники царя чинили сбрую, персидские лучники проверяли тетивы. Часовые на валу зевали, поглядывая на рассеивающийся туман. Идея, что римляне могут атаковать первыми, да еще на рассвете, казалась им абсурдной. В конце концов, у них за спиной — грозная армия Спартака, который уже разбил двух консулов и самого Помпея.

Царь Митридат, несмотря на ранний час, уже был облачен в парадные доспехи из позолоченной стали и принимал в своем шатре Аполлодора и Дазия.

— ...и потому, — заканчивал свою изящную речь начальник штаба Спартака, — наш командующий просит вас укрепить северный вал и быть готовым к отражению возможной провокационной атаки. Он полагает, что Красс попытается испытать стойкость ваших войск.

Митридат слушал, откинувшись на подушки, с легкой усмешкой.

— Мои войска, дорогой Дазий, не нуждаются в испытаниях. Они прошли через горнило войн с Римом в Малой Азии. А что делает сам великий Спартак? Наблюдает?

— Он занимает позиции, чтобы в нужный момент нанести контрудар, — уклончиво ответил Дазий.

— Контрудар, — царь многозначительно переглянулся со своим военачальником, греком Неоптолемом. — Он хочет, чтобы мы взяли на себя первый, самый тяжелый удар, а он придет и пожнет лавры. Я знаю эту тактику.

— Царь, — вмешался Аполлодор, — Спартак не ищет лавров. Он ищет уничтожения Рима. Ваши цели совпадают. Доверие...

— Доверие рождается в совместно пролитой крови, — перебил его Неоптолем. — И мы готовы пролить её. Но мы должны видеть, что наш союзник готов к тому же.

В этот момент снаружи, сначала отдалённо, а потом всё ближе, послышался нарастающий гул. Не крики — именно гул, низкий, зловещий, как отдаленный гром. Затем в него вплелись первые, отдельные крики.

Митридат нахмурился.

— Что это? Учения у фракийца?

Один из царских телохранителей, фригиец в чешуйчатом панцире, вбежал в шатёр, забыв о церемониях.

— Царь! Римляне! На нас идут римляне!

Неоптолем выхватил меч.

— Сколько? Где?

— Туман... Они в тумане! Их много! Они уже у самого вала!

Дазий и Аполлодор обменялись быстрыми взглядами. Спартак оказался прав. С точностью до часа.

Атака была стремительной и ошеломляющей, как удар скорпиона. Два римских легиона, вынырнув из последних клубов тумана, обрушились на северный сектор понтийского лагеря. Они не стали тратить время на осаду — первые ряды, плотно сомкнув щиты в «черепаху», под градом стрел и дротиков подбежали к частоколу и принялись рубить и ломать его секирами и мечами. Другие забрасывали укрепления крючьями на канатах и стаскивали их. Третьи, под прикрытием огромных подвижных щитов-«винеи», рыли землю у основания частокола, пытаясь обрушить его.

Понтийские лучники, застигнутые врасплох, первые минуты сеяли смерть, но их стрелы часто скользили по сферическим поверхностям «черепахи» или застревали в щитах «винеи». А затем, когда первые проломы открылись, в лагерь хлынули римские манипулы. Загремели бронзовые горны, возвещая атаку. Воздух взорвался единым, оглушающим криком: «ВПЕРЁЁЁД!»

Здесь, внутри лагеря, где строй нарушился, преимущество римской тактики мелких подвижных подразделений проявилось в полной мере. Манипулы вклинивались в скопления плохо организованных понтов, разделяли их и уничтожали по частям. Греческие фалангиты, пытавшиеся построиться, были слишком неповоротливы для такого хаотичного боя. Персы и армяне сражались отчаянно, но разрозненно.

Паника, которую предсказывал Красс, начала витать в воздухе. Она чувствовалась в потерянных криках командиров, в метании рабов, в отчаянных попытках отдельных групп прорваться к центру лагеря, к царскому шатру.

Сам Митридат, облачившись в шлем, вышел из шатра, окружённый свитой из телохранителей. Его лицо было искажено не страхом, а холодной яростью.

— Где Спартак?! — проревел он, перекрывая гам битвы. — Он клялся в союзе! Где его легионы?!

Неоптолем, с окровавленным мечом, указал на запад.

— Их лагерь стоит. Ворота закрыты. Они не двигаются, царь!

В глазах Митридата вспыхнуло бешеное подозрение, переходящее в уверенность: его предали. Его использовали как приманку.

— Проклятый раб! — выкрикнул он. — Собрать катафрактов! Мы прорвемся через римлян к морю! К кораблям!

— Царь, смотрите! — вдруг крикнул Аполлодор, хватая его за плечо и указывая не на запад, а чуть севернее.

Туда, где на небольшом холме у края долины уже вовсю кипела другая битва.

Красс, наблюдая с командного холма, видел, как его план начинает сбываться. Паника в лагере понтов была налицо. Его легионы методично продавливали оборону. Теперь оставалось ждать, когда откроются ворота лагеря Спартака и оттуда хлынут заветные резервы.

— Конница готова? — спросил он у Мамилия.

— Готова, проконсул. Ждут сигнала.

— А манипулы «Третьего Августова»?

— Скрыты в лощине. Как только «железные когорты» выйдут на равнину...

— Отлично, — Красс позволил себе тонкую улыбку. Всё шло по плану. Гений Рима, системности и дисциплины должен был победить хаотичную ярость варваров и наёмников.

И в этот момент его взгляд уловил движение не от лагеря Спартака, а с фланга. С того самого холма, который должен был быть пустым.

По его склону, молча, без единого боевого клича, развернутым строем шли галлы Крикса. Их длинные мечи и боевые топоры были обнажены. Они шли не бегом, а тяжёлой, неумоли-

мой поступью. И шли они не на помощь понтам. Они шли прямо в бок манипулам «Третьего Августова», которые как раз начали выдвигаться из ложины для удара по ожидаемым резервам Спартака.

Римляне, застигнутые врасплох этим ударом с направления, откуда его не ждали, замешкались. На несколько критических секунд их строй дрогнул.

— Что это? — прошептал Кассий. — Это же не основные силы! Это галльская орда!

Красс молчал. Его мозг лихорадочно работал. Спартак предугадал засаду. И прислал не элиту, а самых отчаянных головорезов, чтобы связать его засадные силы. Значит, основные силы всё ещё в лагере. Или...

Холодная прозрение ударила его, как обухом по голове.

— Конница! — рявкнул он. — Немедленно атаковать галлов! Раздавить их! И передать «Первому Железному» — немедленно начать отход из лагеря понтов! Перестроиться для отражения атаки с запада!

Но было уже поздно.

С запада, от лагеря Спартака, наконец двинулись силы. Но это был не компактный кулак для удара. Это была длинная, растянутая колонна, которая выходила из ворот и тут же, на марше, начала разворачиваться в боевую линию. Во главе её, на вороном жеребце, под чёрным знаменем с силуэтом сломанной цепи, ехал сам Спартак. Рядом с ним — Эномай с огромным боевым молотом. «Железный легион» шёл, отбивая шаг, в гробовой тишине. Эта тишина была страшнее любых варварских воплей.

Они не пошли напрямую к лагерю понтов. Они пошли вдоль римской линии, на безопасном расстоянии от лучников, выстраиваясь параллельно легионам Красса, которые уже глубоко втянулись в схватку с понтами. Спартак не бросался в мясорубку. Он занимал позицию. Он становился новой, смертельной угрозой, висящей на фланге увязших в бою римлян.

Красс понял манёвр. Его лицо побелело. Спартак не стал спасать союзника. Он поставил под угрозу уничтожения всю его армию. Теперь римские легионы были зажаты между ещё сопротивляющимися понтами и свежей, дисциплинированной армией рабов, построившейся в идеальный боевой порядок.

— Отдать приказ... — начал Красс, но его слова утонули в новом, оглушительном грохоте.

С северо-востока, из рожицы у ручья, где, как полагала римская разведка, никого не было, вырвался сокрушительный удар конницы. Но это была не испанская конница Красса. Это были «летучие когорты» Бренна, смешавшиеся с нумидийской лёгкой конницей Старого Вера. Они пронеслись, как вихрь, обрушившись на тылы римских лучников и метателей дротиков, сея хаос и смерть. А среди них, словно призраки, мелькали «Тени» Агенобарба, выискивая и убивая центурионов и сигнальщиков, разрывая нервную систему римской армии.

И тут же, на пути у замершей в нерешительности испанской конницы Красса, взметнулись к небу столбы чёрного, едкого дыма, перемешанного с ослепительными вспышками пламени. Раздался оглушительный, сухой треск, не похожий ни на один звук этой эпохи — взрыв первых, примитивных, но от того не менее устрашающих пороховых мин. Лошади в ужасе вздыбились, сбрасывая всадников, строй рассыпался.

Это был не «адский огонь» Леонтия. Это была демонстрация. Предупреждение. Спартак показывал Крассу и Митридаду одновременно: у него есть сила, способная остановить любую атаку. И он её применит, когда захочет.

Битва превратилась в хаос, но хаос управляемый — с одной стороны. Со стороны Спартака. Его армия действовала как единый организм: галлы Крикса сковывали засадный полк, конница Бренна громила тылы, «Железный легион» давил психологически, оставаясь нетронутым резервом.

Красс увидел, как его безупречный план рассыпается в прах. Ценой невероятных усилий, теряя сотни людей, «Первый Железный» начал отход из лагеря понтов, отбиваясь от наседавших восточных воинов, воспрянувших духом при виде подходящей помощи. Отступление грозило превратиться в бойню.

— Трубить отход! — срывающимся от ярости голосом скомандовал Красс. — Собраться на холмах у Агри! Коннице прикрывать отход!

Это было горькое, унижительное решение. Он не потерпел сокрушительного поражения, но его изящная ловушка провалилась. Более того, он сам чуть не угодил в капкан.

Спартак, наблюдая за началом отступления римлян, поднял руку, останавливая готовый уже к наступлению «Железный легион».

— Хватит, — сказал он Эномаю. — Пусть уходят.

— Но мы могли бы добить их! — взревел гигант.

— Мы могли бы потерять слишком много, — холодно возразил Спартак. — Наша задача — сохранить армию и союз. Мы сделали и то, и другое. Посмотри на лагерь понтов.

Эномай посмотрел. Оттуда, сквозь дым и хаос, к ним двигался отряд во главе с Митридатом и Неоптолемом. Царь Понта ехал с непокрытой головой. Его лицо было бледным, а в глазах горел сложный огонь — ярости, унижения и нового, леденящего уважения.

Пока римляне, преследуемые лёгкой конницей Бренна, отступали в полном порядке, но с чувством горького стыда, две фигуры встретились на пропитанном кровью поле между лагерьями.

Митридат остановил коня в нескольких шагах от Спартака. Царь и бывший раб смерили друг друга взглядами.

— Ты знал, — хрипло сказал Митридат. Не вопрос, а констатация.

— Я предполагал, — поправил его Спартак. — Красс мыслит логично. Логика можно предсказать.

— Ты использовал моих людей как приманку. Ты позволил им умирать.

— Я позволил им сражаться, — безжалостно парировал Спартак. — Ты хотел доказать мою силу? Ты получил их. Твои войска выстояли под первым ударом легионов. Мои войска разбили его план и заставили отступить, почти не вступив в прямой бой. Это и есть война будущего, царь. Не грубая сила, а расчёт. И сила, которую ты хотел видеть, — он кивнул в сторону дымящихся полей на пути римской конницы, — она была применена. Для защиты. А не для нападения. Пока.

Митридат молчал несколько тяжёлых секунд, его взгляд скользил по непроницаемому лицу фракийца, по его дисциплинированным, молчаливым рядам.

— Договор остаётся в силе, — наконец выдохнул он. — Но отныне мы координируем каждый шаг. Вместе. И когда мы пойдём на Рим... я хочу видеть этот огонь во всей его мощи. Не как защиту. Как месть.

— Когда мы пойдём на Рим, — медленно произнес Спартак, — огонь решит всё.

Он развернул коня и поехал к своему лагерю, оставив царя Понта среди дыма, крови и раненых. Первая игра была выиграна. Но цена, как он видел по глазам своих командиров и по сотням тел, устилавших землю у Грументума, была лишь первым взносом в долгом счете за падение Вечного города.

А вдали, на холме, наблюдая в щель между повозками, старый самнит Мутил видел и отступление Рима, и унижение царя, и холодную победу раба. И в его сердце, полном древней гордости, зрело семя собственного, третьего пути. Пути, для которого и Рим, и Спартак, и Митридат были чужаками, пришедшими на его землю.

Глава 3

ГЛАВА 3. ИГРА В ТЕНИ

Дым над долиной Агри медленно рассеивался, поднимаясь к безразличному осеннему солнцу. Он открывал картину, которую римские историки позже назовут «Пирровой победой мятежа», но которая в данный момент не приносила радости ни одной из сторон.

Лагерь Спартака кипел работой, но это была не радостная суета победителей. Это была методичная, молчаливая деятельность армии, знающей цену даже успеха. «Тени» Агенобарба и летучие отряды Бренна прочесывали поле боя, добывая тяжелораненых римлян и собирая трофеи: оружие, доспехи, знаки отличия. Санитары — а Спартак ввел это понятие одним из первых в истории, к яростному сопротивлению старых гладиаторов — выносили своих раненых. Их было меньше, чем можно было ожидать от такого сражения, но каждый потерянный боец был ударом по хрупкой конструкции духа армии.

В понтийском лагере царили иные настроения — ярость, скорбь и унижение. Они потеряли почти две тысячи человек убитыми и ранеными, в основном в первые минуты римского прорыва. Пышные шатры теперь были залиты кровью, а уверенность в собственном превосходстве — развеяна как дым. Воины Митридата мрачно смотрели на западно стоящий лагерь «союзников», где царил суровый порядок. Шепотки о предательстве, о том, что «фракиец намеренно выждал, чтобы обескровить царя», ползли из палатки в палатку.

И в лагере Красса, отступившего на укрепленные позиции в десяти милях к северу, царила гробовая тишина, нарушаемая лишь стонами раненых и сухими, отрывистыми командами центурионов. Отступление было проведено в идеальном порядке — это было единственное, что спасло легионы от разгрома. Но моральный урон был колоссален. План провалился. Армия рабов не только предугадала его, но и обратила против него самого. И за всем этим маячила тень того самого адского огня, который даже не был применен в полную силу, а лишь продемонстрирован как угроза.

В палатке Спартака, которая была немногим больше и удобнее палаток его центурионов, собрался военный совет. Воздух был густ от запаха кожи, пота и напряженности.

Спартак стоял у стола, на котором была разложена грубая, но детальная карта Италии, составленная по его указаниям. Перед ним — его «теневого кабинета»: Эномай, Крикс, Бренн, Дазий и Агенобарб. Стоял в стороне, с каменным лицом, и Аполлодор, допущенный как наблюдатель Митридада.

— Итоги, — начал Спартак без преамбул. Его голос был ровным, лишенным эмоций, как доклад оперативника. — Римляне потеряли около трех тысяч убитыми и ранеными. Наши потери — около пятисот, в основном легкая пехота Бренна во время удара по тылам. Понты — до двух тысяч. Тактически мы выиграли. Стратегически — ситуация усложнилась.

— Усложнилась? — взорвался Крикс. Его рука была перевязана — в схватке с римскими засадными манипулами он получил удар пилумом в плечо. — Мы разбили их план! Мы заставили самого Красса отступить! Его легионы теперь знают, что мы можем бить их не только в открытом поле, но и ломать их самые хитрые замыслы!

— Именно это и усложняет ситуацию, — спокойно парировал Дазий, поправляя стилус в своих тонких, интеллигентных пальцах. — До этого мы были для Рима стихийным бедствием, опасным, но предсказуемым в своей ярости. Теперь мы стали чем-то иным. Мы мыслим. Мы предугадываем. Для сената и для таких людей, как Красс, это куда страшнее. Теперь они не будут пытаться просто раздавить нас. Они начнут игру на уничтожение любой ценой. Децимация была только началом.

— Грек прав, — хрипло проговорил Эномай, опираясь на свою дубину. — Сегодня ко мне подходили самниты из отряда Мутила. Спрашивали, правда ли, что мы намеренно подставили понтов. Шепчутся.

— Пусть шепчутся, — проворчал Бренн. — Без нас они бы уже гнили на крестах вдоль Аппиевой дороги.

— Но с нами они чувствуют себя пешками, — сказал Спартак, и все замолчали. — И они правы. В большой игре они — пешки. И понты — пешки. И мы все — пешки чего-то большего. Но некоторые пешки могут решить, что хотят стать ферзями.

Он посмотрел на Агенобарба.

— Что с римским агентом, которого взяли живым?

— Грек по имени Фемистокл, — без эмоций доложил перебежчик. — Не солдат. Ритор из Неаполя, завербованный людьми Красса. Его задача — распространять слухи в нашем лагере и, главное, в лагере понтов. Обещать амнистию, золото, земли тем, кто предаст своих вождей. Особый интерес он проявлял к... — Агенобарб на секунду замолчал, — к людям, отвечающим за огонь. Искал контакты с Леонтием или Махаром через посредников.

В палатке стало тихо. Тайна «огня» была самым охраняемым секретом восстания, его стратегическим козырем и одновременно ахиллесовой пятой.

— Жив? — спросил Спартак.

— Пока да. Его пытали, но он знает мало. Вербовщик низкого звена. Но факт направления интереса показателен.

— Красс смещает фокус, — заключил Дазий. — Он понял, что на поле боя ему будет сложно. Теперь он будет пытаться расколоть нас изнутри, выкрасть наши секреты или дискредитировать нашего вождя. Классическая римская тактика: разделяй и властвуй.

— Значит, нам нужно действовать быстрее, — сказал Спартак. Он ткнул пальцем в карту, в точку севернее их текущего положения. — Красс отступил сюда, к Луцерии. Он будет ждать подкреплений, пополнять легионы. Он также будет ждать действий сената — возможно, отзывая другого полководца из заморских провинций. У нас есть окно. Небольшое.

— Ты хочешь идти на Рим сейчас? — спросил Крикс, и в его голосе зазвучала давняя, неутоленная мечта.

— Нет, — покачал головой Спартак. — Идти на Рим, имея у себя в тылу не просто армию Красса, а армию, которая знает о наших «огненных» секретах и охотится за ними — самоубийство. И оставлять за спиной Митридата, который сейчас унижен и зол, — вдвойне самоубийство. Сначала мы должны обезопасить тылы. И консолидировать союз.

Он посмотрел на Аполлодора.

— Передай своему царю. Завтра, на нейтральной земле, между лагерями, я предлагаю провести Совет Трех. Я, он и вождь самнитов Мутил. Мы обсудим не тактику, а стратегию. Цели. И раздел будущей добычи. Пора перестать быть сборищем племён. Пора стать Конфедерацией Свободных Народов Италии.

Аполлодор медленно кивнул, пораженный масштабом мысли. Это был шаг от вождя повстанцев к государственному деятелю.

— Он может потребовать публичных извинений за сегодняшнее «промедление», — осторожно заметил грек.

— Он их не получит, — холодно сказал Спартак. — Но получит кое-что более ценное: гарантии. И возможность влиять на решения. Иди. Передавай.

Когда Аполлодор вышел, Спартак обвел взглядом своих командиров.

— Теперь внутренние дела. Бренн, твои люди удваивают бдительность. Ни один чужак не должен проникнуть в зону расположения инженерного обоза. Агенобарб, ты отвечаешь за контрразведку. Выявляй всех, кто проявляет излишний интерес к огню или ведёт пораженческие разговоры. Не шадить. Дазий, составь проект условного договора с Митридатом и самни-

тами. Пункты: общее командование в походе, раздел римской казны, статус освобожденных территорий после победы. И, — он сделал паузу, — пункт о нераспространении технологий огня. Никому. Ни при каких условиях.

— А если Митридат потребует? — спросил Дазий.

— Скажешь, что это силы духов предков, доступные только мне, — мрачно усмехнулся Спартак. — Пусть думает, что это магия. Это даже лучше.

Когда командиры разошлись, в палатке остались только Спартак и Эномай. Гигант долго молчал, глядя на карту.

— Конфедерация... — наконец произнес он. — Это умно. Но они не поймут. Самниты будут драться за свою долину, понты — за золото, наши люди — за мечту о мире без рабства. Это как запрячь в одну колесницу коня, быка и льва.

— Зато общая цель — сжечь римский цирк, где все они были бы жертвами, — тихо ответил Спартак. Он подошёл к жаровне и протянул к огню руки, словно пытаясь согреть не тело, а что-то внутри. — Мы создаём не вечный союз, Эномай. Мы создаём одноразовое орудие. Орудие для одного удара. По Риму. После этого... после этого каждый пойдет своей дорогой. Или мы перебьём друг друга. Но сначала — Рим должен пасть.

Где-то в двадцати милях к северу, в укрепленном лагере у Луцерии, в претории Марка Красса царила атмосфера иного рода. Не раскаяния, а холодной, сосредоточенной ярости.

Красс сидел за столом, заваленным восковыми табличками и свитками. Перед ним стояли легаты, включая Гая Кассия и старого Мамилия, а также невысокий, щуплый человек в простой тунике с лицом писца. Это был грек Аристон, личный секретарь и глава тайной сети Красса в южной Италии.

— Итак, — тихо, но отчётливо говорил Красс, — физическое поражение мы не потерпели. Репутационное — да. Армия деморализована. Враг обрёл уверенность. И у него есть чудо-оружие. Стандартные методы не работают. Значит, будем использовать нестандартные.

Он посмотрел на Аристона.

— Твой агент провалился. Но направление верное. Огонь. Всё вращается вокруг этого огня. Кто эти люди, Леонтий и Махар?

— Грек и сириец, — быстро ответил Аристон. — Рабы-гладиаторы из школы Лентула Батиата в Капуе. Грек — бывший алхимик, обвинённый в мошенничестве и проданный в рабство. Сириец — оружейник, осуждённый за убийство хозяина. Оба числились в группе Спартака с самого начала. С тех пор их почти никто не видел. Ходят слухи о секретной мастерской где-то в горах.

— Найди их, — приказал Красс. — Не убей. Доставь ко мне. Живыми. Цена — любая. Используй всё: золото, угрозы, обещания. Если не получается похитить — тогда убийство. Но лучше живыми.

— Есть ещё один аспект, проконсул, — сказал Аристон. — Среди самнитов, которые примкнули к Спартаку, не всё спокойно. Их вождь, Мутил, недоволен. Он считает, что его народ воюет за чужую свободу, а свою землю получит обрасно лишь в качестве подачки. Он честолюбив. И он помнит времена, когда самниты громили римские легионы.

На лице Красса впервые за день появилось подобие улыбки.

— Вот это уже интересно. Можно ли с ним связаться?

— Через третьих лиц. Осторожно. Он не доверяет римлянам.

— Ему и не нужно доверять, — сказал Красс. — Ему нужно предложить сделку. Не предательство в бою — это слишком рискованно. Информацию. О планах Спартака. О маршрутах его инженерного обоза. О месте этой самой мастерской. А в обмен... — Красс задумался. — В обмен, после подавления мятежа, он получит не просто свою долину. Он получит статус

федерата Рима. Право самоуправления. И римское гражданство для своей семьи. Обещай ему это. Обещай всё. Слово римлянина.

— Он потребует гарантий, — заметил Кассий.

— Гарантии? — Красс пожал плечами. — Мы дадим ему золото сейчас. А после победы... после победы всегда можно найти причину, чтобы обещание стало невыполнимым. Или найти более сговорчивого вождя. Сначала надо победить.

Он встал и начал медленно ходить по палатке.

— Параллельно мы начинаем политическую игру в самом Риме. Я пишу письма. Сенат должен быть в панике, но панике управляемой. Нужно, чтобы они боялись не только Спартака, но и Митридата, и перспективы войны на два фронта. Нужно, чтобы они дали мне полномочия и ресурсы. И... — он остановился, — нужно дискредитировать Спартака в глазах его же людей. Запустить слух, что он уже договорился с Римом о личной амнистии и земле в обмен на головы других вождей — Крикса, Энотая, самого Митридата. Семя сомнения должно прорасти.

— Это опасно, — сказал Мамиллий. — Если он раскроет источник...

— Источником будет реальный римский перебежчик, которого мы подставим, — холодно ответил Красс. — Жертвенный агент. Он «сбежит» из нашего лагеря с «секретными» документами, которые «случайно» попадут в руки людям Крикса. Галл вспыльчив и подозрителен. Это может расколоть их изнутри. Игра ведётся на многих досках, господа. На поле боя мы, возможно, и проиграли первый раунд. Но война только начинается. Война в тени.

В тот же вечер, глубоко в пещере в горах на границе Лукании и Кампании, куда не вела ни одна тропа, знаемая лишь горными козлами и «Тенями» Агенобарба, горел тусклый свет масляных ламп.

Леонтий и Махар работали молча. Их лаборатория превратилась в нечто среднее между кузницей Гефеста и кошмаром сумасшедшего алхимика. На каменных полках стояли глиняные сосуды с разноцветными жидкостями, кувшины с порошком, тигли для плавки. В воздухе висел едкий запах серы, селитры и ещё чего-то невыразимо горького.

Махар, его лицо и руки покрытые мелкими ожогами и шрамами, осторожно собирал некое устройство: полый глиняный шар, в который через небольшое отверстие вставлялась трубка из бамбука, обмазанная глиной. Внутри шара он засыпал смесь из трёх компонентов.

— Последняя партия, — прошептал он. — Селитры почти не осталось. Нужны новые источники. Навозные кучи вокруг римских вилл почти все истощены.

Леонтий, худой как скелет, с горящими лихорадочным блеском глазами, записывал что-то на восковой табличке.

— Спартак обещал прислать новую партию с набега на виллы в Пицене. Но это займёт время. А царь... царь требует демонстрации.

— Он получит демонстрацию, — проворчал Махар. — Но не ту, которую ждёт. «Адская вода» готова. Она разъедает железо за считанные часы. Её можно лить на щиты, на ворота... Но она опаснее для тех, кто её носит, чем для врага.

— Знаю, — вздохнул Леонтий. Он отложил табличку и подошёл к загадочному аппарату в углу — большому медному котлу с трубками и змеевиком. Дистиллятор. Их последнее, самое страшное изобретение. — «Дух огня» почти чист. Он горит даже на воде. Но его нельзя хранить. Он испаряется, и пары... — он замолчал, вспоминая, как неделю назад от одной случайной искры чуть не сгорела заживо вся их охрана.

Внезапно у входа в пещеру, замаскированного под каменную осыпь, послышался условный сигнал — три коротких щелчка камнем о камень. Затем ещё два. Свои.

Через несколько мгновений в пещеру вошёл Агенобарб. Его лицо в тусклом свете ламп казалось вырезанным из тёмного дерева.

— Вас ищут, — сказал он без предисловий. — Римляне бросили на это большие силы. Их агенты пытаются выйти на поставщиков селитры и серы. Будьте готовы к смене локации в любой момент.

— Куда? — устало спросил Леонтий. — Мы уже как кроты. Дальше только в преисподнюю.

— Если понадобится — и в преисподнюю, — без тени улыбки ответил Агенобарб. — Ваша работа — самое ценное, что есть у армии. Спартак сказал: если будет угроза захвата — уничтожить всё. Все записи. Все образцы. И... — он сделал едва заметную паузу, — себя. Чтобы ни одна крупинка знания не досталась Риму.

Леонтий и Махар переглянулись. Они давно знали эту цену. Они были не учёными, а бомбами замедленного действия. Живыми, ходячими секретами, которые в случае чего должны были самоуничтожиться.

— Мы понимаем, — тихо сказал Махар.

— Хорошо, — кивнул Агенобарб. — И ещё. Будьте осторожны с новыми помощниками, которых пришлёт Эномай. Среди них могут быть... чужие глаза. Проверьте всё.

Когда он исчез так же бесшумно, как и появился, в пещере воцарилось тяжёлое молчание.

— Иногда мне кажется, — прошептал Махар, глядя на мерцающее пламя лампы, — что мы выпустили джинна из бутылки. И теперь он служит нам, но с каждым днём его взгляд становится всё более голодным. И он смотрит не только на римлян.

Леонтий ничего не ответил. Он смотрел на синеватое пламя под медным котлом, в котором кипел «дух огня». Огонь, который он создал, чтобы освободить людей, мог стать величайшим поработителем в истории. И эта мысль жгла его изнутри куда сильнее, чем любой химический ожог.

На следующее утро, на нейтральной поляне между лагерями, состоялся Совет Трёх.

Место было выбрано символично: старая оливковая роща, деревья которой, искривлённые временем, стояли как немые свидетели многих войн. Никаких шатров. Только три простых кресла, поставленные треугольником. Охрана каждой стороны — по десять человек, без оружия на виду, стояла в ста шагах.

Первым пришел Мутил, вождь самнитов. Невысокий, коренастый, с седой, короткой бородой и пронзительными чёрными глазами, видевшими гибель своего народа в битвах при Аквилонии и при Порте Коллина. Он сел, положив на колени простой, но старый и хорошо содержанный меч в ножнах — символ своей власти.

Затем, с востока, подъехал Митридат. Царь предстал без излишней роскоши, в походных доспехах, но его пурпурный плащ и золотая диадема говорили сами за себя. Он молча кивнул Мутилу и занял своё место, положив руки на ручки кресла, как на трон.

Последним пришёл Спартак. Пешком, в простом хауберте, с непокрытой головой. Его охрану возглавляли Эномай и Бренн, остановившиеся у края поляны. Он сел, положив на колени не оружие, а свиток пергамента.

— Мы собрались здесь, — начал Спартак без церемоний, — не как господин и вассалы, не как полководец и наёмники. Мы собрались как равные стороны в войне против общего врага. Рим сжёг ваши храмы, царь Митридат. Рим растоптал вашу свободу, вождь Мутил. Рим превратил моих людей в говорящий скот. У нас одна цель: чтобы Рим пал. Но чтобы это случилось, нам нужно быть не пучком стрел, которые можно сломать по одной, а сцементированным тараном.

— Поэтично, — холодно заметил Митридат. — Но что это значит на практике? Кто будет командовать? Кто получит добычу? И кто гарантирует, что в решающий момент нас снова не оставят один на один с легионами?

— Командовать будет военный совет, — чётко сказал Спартак. — Из трёх человек: ты, я и представитель от италийских племён. Все стратегические решения — большинством голосов. Тактические решения на поле боя — за командующим данной операцией, которого утверждает совет. Добыча: всё золото и серебро Рима делится поровну на три части. Земли: после победы проводится всеобщее собрание всех народов Италии, где будет решена новая карта. Никто не будет получать земли просто по праву сильного.

Мутил нахмурился. Его интересовала не абстрактная «новая карта», а конкретные долины Самния.

— А кто будет охранять эти земли от новых захватчиков? От галлов, от германцев? Или от... понтийской армии? — Он бросил взгляд на Митридата.

— После уничтожения Рима, — сказал Спартак, — мы создаём общий союз, Лигу Свободных Народов. С общим войском для защиты. На тех же принципах: совет, ротация командования.

— Утопия, — усмехнулся Митридат. — Народы никогда не договорятся. Они начнут драться между собой ещё до того, как остынет пепел Капитолия.

— Возможно, — согласился Спартак, к удивлению обоих. — Но это будет их выбор. Их драка. А не римское иго. Мы даём им возможность выбора. А чтобы эта возможность появилась, Рим должен пасть. И для этого нам нужно доверие. Сегодня. Здесь.

Он развернул свиток.

— Это проект договора. Прочтите. Мы можем изменить детали. Но суть неизменна: равный союз, общая цель, справедливый раздел. И клятва — не перед римскими бюстами, а перед этим небом и этой землёй — не предавать друг друга до конца войны.

Митридат взял свиток, его глаза быстро пробежали по строчкам, составленным изящной латынью Дазия. Условия были чёткими, даже жёсткими. Особый пункт о нераспространении «особых технологий», которые оставались в исключительной собственности «армии освобождения» — то есть Спартака. Царь понял, что переиграть фракийца в дипломатии так же сложно, как и в тактике. Он либо принимает эти условия, либо уходит, теряя лицо и любую надежду на победу над Римом.

— А если кто-то нарушит клятву? — спросил Мутил.

— Тогда две другие стороны объединятся и уничтожат нарушителя, — без колебаний ответил Спартак. — Это будет прописано.

Наступила долгая пауза. Ветер шумел в листьях старых олив. Где-то далеко каркала ворона.

— Я согласен, — неожиданно первым сказал Мутил. Его практичный ум уже подсчитал выгоды: формальное равенство, треть добычи, гарантии неприкосновенности земель. И главное — он становился третьей, решающей силой в альянсе, балансирующим между двумя гигантами.

Митридат медленно кивнул.

— И я согласен. Но с одним дополнением: в совет от италиков должно входить не менее трёх представителей разных племён — самнитов, луканов и, скажем, апулов. Чтобы интересы были учтены полностью.

Спартак уловил ход: царь пытался размыть единую позицию италиков, создать в совете раскол, которым можно будет манипулировать.

— Принимается, — сказал он, делая пометку на воске. — Теперь клятва.

Все трое встали. Никаких жертвенных животных, никаких сложных ритуалов. Каждый положил правую руку на эфес своего меча (Спартак взял меч у Эномая) и произнёс простые слова, написанные Дазием:

— Перед лицом Неба и Земли, предков и потомков, клянусь хранить верность союзу, не поднимать оружия на соратника и не искать сепаратного мира с Римом до полного его поражения. Пусть моя кровь оросит эту землю, если я нарушу клятву.

Когда эхо последних слов затихло, воцарилась странная, торжественная тишина. Трое самых опасных врагов Рима, представлявших три разных мира — эллинистический Восток, воинственные италийские горцы и мессианскую армию освобождённых рабов, — скрепили союз. Исторический момент, о котором никто из летописцев так и не узнает.

— Теперь о планах, — сказал Спартак, садясь. — Красс ждёт подкреплений. Мы не можем ему этого позволить. Через три дня мы начинаем движение на север. Не напрямую на Рим. Мы идём в Умбрию, затем в Этрурию. Мы поднимем на восстание рабов и италиков в этих богатейших провинциях. Мы лишим Рим хлеба, железа и рекрутов. Красс будет вынужден следовать за нами, принимая бой на нашей территории. И там... там мы применим всё.

Митридат внимательно посмотрел на него.

— Всё?

— Всё, — твёрдо подтвердил Спартак. В его глазах вспыхнуло то самое пророческое, нечеловеческое пламя, которое видели лишь немногие. — Мы сожжём не только легионы. Мы сожжём саму идею Рима. Начинается Великий Поход.

В тот же день, когда Совет разошёлся, и новость о формальном союзе начала расползаться по лагерям, к Мутилу в его палатку пришёл незнакомец. Не римлянин и не грек. Один из пелигнов, дальних родичей самнитов. Он принёс мешок зерна, как дань уважения. И среди зёрен лежал маленький, тщательно запечатанный воском свиток. В нём не было ни подписи, ни печати. Только два слова, выведенные изящным греческим почерком: «Поговорить?» И ниже, мельчайшими буквами: «О будущем Самния. Без римлян.»

Мутил сжёг свиток, глядя, как воск плавится и капает в огонь. Но слова уже отпечатались в его памяти. «Без римлян.» Это значило — без Спартака? Или... без Митридата? Или против всех?

Игра в тени только начиналась. И в неё вступал новый, непредсказуемый игрок.

Глава 4

ГЛАВА 4. МЕХАНИЗМЫ ВОЙНЫ И ПЕСОК В ШЕСТЕРНЯХ

Солнце стояло в зените, но не грело, а лишь безжалостно освещало подготовку к маршу, превращавшую два лагеря в единый гигантский муравейник. Воздух гудел от приказов, скрипа телег, ржания коней и мерного топота тысяч ног, отрабатывающих синхронный шаг.

Спартак стоял на импровизированном наблюдательном пункте — платформе, сооруженной на двух захваченных римских осадных башнях, соединенных между собой. Отсюда, как с командного мостика, он видел всё: как его «Железный легион» строился в походные колонны с дисциплиной, которой позавидовали бы римские трибуны; как понтийские фалангиты неуклюже, но упорядоченно занимали свои места справа; как пестрые отряды самнитов, луканов и апулов под предводительством Мутила стягивались на левый фланг.

Рядом с ним, скрестив руки на груди, стоял Эномай. Слева, в сопровождении Аполлодора и своего телохранителя-фригийца, находился Митридат. Царь с плохо скрываемым интересом наблюдал за процессом, который был для него в новинку.

— Ты превратил варваров в машину, Спартак, — сказал он наконец, не отрывая взгляда от сцены. — Я видел обучение армий Селевкидов, видел парфянских катафрактов. Но эта... синхронность. Они движутся не как люди, а как части одного механизма.

— Так и есть, — сухо ответил Спартак, не оборачиваясь. Его взгляд скользил по периметру, выискивая малейший сбой. — Механизм войны. В нём нет места индивидуальной храбрости, которая губит строй. Есть место только для дисциплины, доверия к товарищу слева и справа и точного выполнения приказа. Твой фалангит храбр, когда держит строй. Один он — мертвец.

— Философия, — усмехнулся Митридат. — Но что приводит этот механизм в движение? Страх? Жажда свободы?

— Идея, — повернулся к нему Спартак. Его серые глаза были холодны и прозрачны. — Идея того, что они больше не рабы. Что их шаг — это удар молота по оковам Рима. Страх исчезает. Остается ясность цели. А теперь, царь, взгляни туда.

Он указал рукой в сторону, где формировался обоз. Но не обычный обоз с провиантом и палатками. Это было нечто иное: несколько десятков крытых повозок с усиленными осями, окруженных тройным кольцом охраны. Люди в этой охране отличались от остальных — не ростом или доспехами, а взглядом. Взглядом хищника, сканирующего местность не ради добычи, а ради угрозы. Это были «Тени» Агенобарба, смешанные с проверенными ветеранами из личной охраны Эномая и Крикса.

— Это сердце механизма, — тихо сказал Спартак. — Инженерный корпус и лаборатория на колесах. Никто, кроме моих людей, не подходит к этим повозкам ближе чем на пятьдесят шагов. Никто. Ни твои воины, царь, ни союзники-самниты. Приказ для охраны — убивать любого, кто пересечет черту, без предупреждения и выяснений.

Митридат почувствовал, как по спине пробежал холодок. Это было не высокомерие. Это была абсолютная, ледяная уверенность в своей правоте и готовность на крайние меры.

— Жестко.

— Необходимо, — отрезал Спартак. — В этих повозках — не просто оружие. Это принцип. Принцип, который должен остаться нашим. Рим научился у Этрусков строить дороги, у греков — вести войну, у карфагенян — строить корабли. И использовал всё это, чтобы поработить их. Я не позволю, чтобы то, что даёт нам силу сегодня, завтра обратилось против тех, кого мы пытаемся освободить. Этот принцип не будет распространяться. Ни за золото, ни под пытками, ни по ошибке.

Его голос был тихим, но каждое слово падало, как отчеканенная монета из стали.

— Ты боишься предательства, — констатировал Митридат.

— Я рассчитываю риски, — поправил его Спартак. — Предательство — лишь один из них. Гораздо опаснее глупость, жадность или простая случайность. Моя система исключает всё это. Полная изоляция. Знание дробится. Леонтий знает одно, Махар — другое. Даже я не знаю всех деталей. И никто не знает местонахождения стационарной мастерской. Она опустела. Всё ценное — здесь, в движении, под охраной людей, которые умрут, но не позволят захватить повозки.

Внизу, у одной из таких повозок, как раз происходила демонстрация этой системы. Агенобарб, с лицом-маской, проводил инструктаж для новых кадров охраны, присланных от союзников — трое от понтов, трое от самнитов. Это был жест «доверия», на котором настояли на Совете.

— Вы здесь не для охраны, — без эмоций говорил Агенобарб. — Вы здесь для того, чтобы видеть, что доступ внутрь закрыт для всех, включая вас. Ваша задача — стоять на внешнем периметре и наблюдать за подходом к внутренним кольцам. Если кто-то из моих людей упадёт — вы не бросаетесь ему на помощь. Вы занимаете его место во внешнем кольце и поднимаете тревогу. Если увидите, что к повозке прорывается кто-либо, включая высших командиров союзных войск, вы кричите единственное слово: «Граница!». Дальше действуем мы. Понятно?

Самниты, гордые и независимые, мрачно кивали. Понтийские солдаты, привыкшие к своей военной иерархии, выглядели озадаченными, но кивали тоже. Один из них, молодой армянин с дерзким взглядом, спросил:

— А если прорывается сам царь Митридат или вождь Мутил?

Агенобарб медленно повернул к нему голову. Его шрам казался темнее в солнечном свете.

— Тогда твой последний крик должен быть особенно громким. Потому что следующее, что ты увидишь, будет летящая в тебя стрела. Царь и вождь предупреждены. Правило для всех. Без исключений.

Армянин побледнел и отступил на шаг.

Тем временем, в глубине обоза, в специально оборудованной повозке с решётчатыми, занавешенными плотной тканью окнами для вентиляции, шла своя работа. Повозка была разделена на отсеки переборками из толстых досок. В одном Леонтий, при свете безопасной лампы-светильника (открытый огонь был строжайше запрещён), взвешивал на маленьких точных весах компоненты. В другом Махар собирал те самые глиняные шары, теперь уже более совершенные — с двумя отверстиями и грубым фитилём из пропитанной селитрой верёвки.

Они работали молча, лишь изредка перебрасываясь короткими, малопонятными для постороннего уха фразами.

— Серы хватит на двадцать «горшков», — сказал Леонтий.

— Древесного уголя — на тридцать, — отозвался Махар. — Но с «водой» проблема. Тара протекает. Нужны амфоры с восковыми пробками.

— Спартак обещал доставить сегодня. Из трофеев после стычки у Грументума.

Леонтий вздохнул, отложив весы.

— Двигаться будем ночью. Вибрация. Всё может перемешаться. Нужно крепление лучше.

— Укрепим, — коротко бросил Махар. — Главное, чтобы эти любопытные союзники не совали нос, куда не следует. Чувствую их взгляды на стенках.

— Их не пустят, — уверенно сказал Леонтий, но в его голосе звучала усталость, не физическая, а душевная. — Система... она надёжна. Но она же и душит. Мы в золотой клетке, Махар. Самой охраняемой в мире.

— Лучше клетка, чем крест, — мрачно философски заметил сириец. — Или чем быть разорванными на части, когда каждый царёк захочет себе нашего огня.

Пока основной лагерь готовился к маршу, вперёд, на разведку маршрута и для связи с подпольем в Умбрии, уже отправилась группа Бренна. Среди них, замаскированный под раненого галльского наёмника, двигался и Дазий. Его миссия была деликатнейшей: не только найти безопасные пути и источники снабжения, но и начать вербовку агентов влияния среди местного населения, недовольного Римом. И, что самое важное, посеять первые зёрна будущего восстания — не силой, а словом, распространяя идеи Совета Трёх и «Конфедерации Свободных Народов».

Дазий ехал на неприметной муле, его лицо было вымазано дорожной грязью, дорогие одежды сменены на поношенный плащ. Рядом, в таком же виде, шагал верный ему нумидиец из людей Старого Вера, знавший все тропы.

— Помни, — говорил Дазий своему спутнику, пока они миновали последний пост спартаковцев, — мы ищем не союзников для битвы. Мы ищем тех, кто может парализовать Рим изнутри в нужный момент. Писец в муниципальной канцелярии, перекупщик зерна, начальник городской стражи, уставший от римского произвола. Их влияние ценнее тысячи плохо вооруженных крестьян.

— А если они предадут? — спросил нумидиец.

— Мы предлагаем им не немедленное восстание, а... страховку, — улыбнулся Дазий, и в его улыбке не было тепла. — Информацию о том, как сохранить жизнь и имущество, когда армия Спартака подойдёт к их городу. И место в новой администрации после падения Рима. Каждый человек имеет свою цену. Наша задача — найти её и предложить сделку до того, как это сделают римляне.

В лагере Красса у Луцерии царила иная атмосфера. Не та бешенная активность, а напряжённое затишье хищника, зализывающего раны и высматривающего новую лазейку.

В претории, за столом, Красс слушал донесения. Его лицо стало ещё более замкнутым и жёстким.

— ...итак, — говорил Аристон, разложив перед проконсулом несколько восковых табличек, — их альянс формализован. Они называют это «Советом Трёх» или «Конфедерацией». У них общее командование, общие законы войны и, предположительно, договор о разделе добычи. Они готовятся к масштабному походу. Цель, судя по направлению подготовки, — не прямой удар на Рим, а север, в Умбрию.

— Умно, — процедил Красс. — В Умбрии богатые поместья, там много рабов. Они пополняют армию и лишат Рим зерна. А главное — выманят меня из выгодной позиции. — Он потер переносицу. — А что с нашими инициативами?

— С самнитами контакт установлен, — понизил голос Аристон. — Через трёх посредников. Мутил осторожен. Он не дал прямого ответа, но и не отказался от диалога. Он просит конкретных предложений.

— Предложи ему то, чего он хочет: признание независимости всех самнитских земель от Апеннин до моря, титул этнарха и место в сенате, — сказал Красс, махнув рукой. — Обещай ему всё. Но в обмен на одну вещь: схему охраны их обоза. Особенно тех повозок, которые окружены тройным кольцом.

— Он может не знать деталей.

— Тогда пусть обеспечит нам человека внутри этой охраны. Хотя бы на внешнем кольце. Нам нужны глаза. Хотя бы одни глаза.

— Слушаю. Также поступили сведения от наших людей в Капуе и Ноле. Среди рабов, оставшихся в городах, идёт активная агитация. Говорят о всеобщей свободе, о новом порядке. Многие ремесленники и даже вольноотпущенники начинают поглядывать на эти идеи с интересом. Нужны репрессии?

— Нет, — неожиданно ответил Красс. — Репрессии только создадут мучеников и укрепят дух сопротивления. Нужна контрпропаганда. Запусти слухи, что Спартак уже сжёг несколько вольноотпущеннических поселений в Лукании, забрав всё зерно и угнав людей в свою армию. Что его «огненное оружие» — это дар тёмных богов, и за его использование всё Италия будет проклята и постигнут неурожаи. Сделай так, чтобы его боялись не только как воина, но и как носителя чумы.

Аристон кивнул, делая пометки.

— А что с главной целью? Леонтий и Махар?

— Здесь провал, — лицо грека стало мрачным. — Все наши попытки выйти на их след или на их поставщиков окончились ничем. Их цепочка снабжения идеально изолирована. Те, кто привозит им материалы, — это глухонемые рабы под охраной этих «Теней». Попытка захватить одного из возчиков привела к тому, что весь обоз был уничтожен охраной, а рабы отравились, судя по всему, заранее принятым ядом. Они скорее убьют себя и уничтожат всё, чем попадут в плен.

Красс впервые за долгое время выглядел искренне поражённым.

— Добровольная смерть рабов? Чтобы сохранить секрет? Что за дьявольская сила заставляет их так поступать?

— Не сила, — тихо сказал Аристон. — Вера. Они верят, что их смерть приблизит тот мир, о котором говорит Спартак. Это страшнее любой дисциплины.

Красс замолчал, обдумывая. Его план, построенный на деньгах, страхе и римской практичности, наткнулся на абсолютно иррациональную, с его точки зрения, стену фанатичной преданности.

— Тогда мы бьём по символу, — решил он наконец. — Если нельзя украсть секрет, нужно дискредитировать того, кто им владеет. Наша жертва готова?

— Перебежчик? Да. Солдат из вспомогательных галльских отрядов. Он будет играть роль дезертира, который бежал, узнав «страшную правду». Документы подделаны идеально.

— Тогда запускаем. Пусть «сбежит» сегодня ночью. И чтобы его «случайно» поймали люди Крикса. Галлы у него... горячие. Они первыми поднимут шум.

Ночь перед маршем. Лагерь спал, если сон тысяч человек, готовых выступить на заре, можно так назвать. Только патрули и часовые бодрствовали.

У одного из постов на окраине лагеря союзников, где смешались спартаковцы и самниты, и произошло «чудо». Часовые услышали шум в кустах, бросились туда и вытащили оборванного, испуганного человека в потрёпанной римской тунике, но с лицом галла.

— Не бейте! Я свой! Свой! — вопил он, прикрываясь руками. — Я от Красса! Бежал! У меня информация для вождя Крикса! Смертельно важная!

Его, естественно, скрутили и, не мешкая, повели в лагерь. По пути, как и было рассчитано, мимо проходил отряд галлов из «Ударных когорт». Услышав родную речь, они заинтересовались. Через полчаса «перебежчик», уже с перевязанными ранами и с кружкой кислого вина в руках, дрожал в палатке одного из галльских десятников.

— Говори, тварь, — мрачно сказал галл по имени Бранн, племянник Крикса. — Что ты знаешь?

— Я служил в обозе... слышал разговоры... — тараторил «дезертир». — Красс знает всё! У него шпионы в самом вашем Совете! Он знает про планы идти в Умбрию! Знает про охрану огненных повозок! И... — он сделал драматическую паузу, — и он знает, что Спартак уже договорился с ним! Тайно! Через грека Аполлодора!

В палатке повисло гробовое молчание.

— Что? — тихо переспросил Бранн.

— Да! — «перебежчик» закивал с иступлённой готовностью. — После битвы у Грументума! Спартак и царь Митридат обменялись посланиями с Крассом! Царь хочет всей Сицилии и Южной Италии, Спартак — свободы для своих ветеранов и земли в Далмации! А вас, галлов, и самнитов, они планируют бросить на ударные позиции, чтобы вы покрепче сцепились с легионами, а сами ударят вам в спину или заключат мир! У меня есть документ! Спрятан! — Он судорожно стал рвать подкладку своей туники.

В этот момент в палатку вошёл сам Крикс. Его лицо, уже хмурое от боли в плече и тяжёлых дум, стало каменным, когда он услышал последние слова.

— Документ, — потребовал он.

«Перебежчик» вытащил из подкладки небольшой, испачканный свиток. Пергамент был качественным, почерк — изящным латинским. В нём, со множеством деталей, излагалась именно эта версия: тайные переговоры, распределение провинций после «условного поражения» восстания, предательство союзников. Подписи не было, но стояла личная печать Аполлодора, которую грек, по легкомыслию, использовал и для личной переписки. Печать была подделана римскими мастерами безупречно.

Крикс читал, и его лицо багровело. Всё сходилось! И внезапная «пассивность» Спартака в битве у Грументума, и его холодность к союзникам, и та безумная охрана повозок — он просто берег свой главный козырь для сделки с Римом!

— Схватить Аполлодора! — рявкнул он. — И привести ко мне Спартака! Немедленно!

Хаос начался мгновенно. Галльские воины, преданные Криксу, схватились за оружие. Весть поползла по лагерю со скоростью лесного пожара.

Но «механизм войны», созданный Спартаком, имел свои предохранители.

Ещё до того, как отряд галлов дошёл до царского шатра, их перехватили «Тени». Не вступая в бой, они просто встали стеной.

— Командир Агенобарб приказал: никто не движется к центру лагеря после отбоя без экстренного пароля, — сказал их главарь, безоружный, но с таким видом, что у галлов руки сами потянулись к мечам.

— Измена! — закричал Бранн. — Спартак предаёт нас! Мы идём за правдой!

— Правду доложите по команде, — холодно парировал «Тень». — Сначала — вашему командиру Криксу, чтобы он доложил командующему Спартаку. Таков порядок. Нарушение порядка приравнивается к мятежу.

Пока галлы препирались с непробиваемыми «Тенями», один из них, более сообразительный, побежал назад к Криксу. Но было уже поздно.

Крикс, в ярости, уже мчался к штабной повозке Спартака, сжимая в руке злополучный свиток. Его окружала толпа возбуждённых галлов. Они вломились в круг охраны командующего. Здесь их встретили не «Тени», а железные, непоколебимые ветераны «Железного легиона». Молча, со щитами, сомкнутыми в стену, они преградили путь.

— Вождь Крикс, — сказал центурион, человек с лицом, изуродованным ожогами ещё с времён гладиаторской школы. — Командующий спит. Утро — время для докладов.

— Он не спит! Он строит козни! — взревел Крикс, замахнувшись свитком. — Я требую объяснений! Здесь доказательства его измены!

В этот момент полог на повозке откинулся. На пороге появился Спартак. Он был без доспехов, в простой рубахе, но его глаза были ясными, без следа сна. За его спиной виднелись Дазий (вернувшийся по первому же сигналу тревоги) и Эномай.

— Какие доказательства, Крикс? — спокойно спросил Спартак. Его голос, тихий и ровный, перекрыл гул толпы.

— Это! — галл швырнул свиток к его ногам. — Переговоры с Крассом! Дележ Италии! Печать этого греческого змея, Аполлодора!

Спартак даже не наклонился, чтобы поднять пергамент. Он взглянул на Дазия. Тот поднял свиток, пробежал глазами и фыркнул — презрительно и громко.

— Грубая подделка, — сказал он. — Стиль плохого римского писца, пытающегося подражать греческой риторике. Что касается печати... — Он достал из складок своей одежды другой, точно такой же пергамент с той же печатью. — Аполлодор ставит её на все свои списки покупок для царской кухни. Украсть или подделать её ничего не стоит.

— А как же разговоры в обозе Красса? Перебежчик? — не сдавался Крикс, но в его голосе уже прозвучала неуверенность.

— Приведите этого «перебежчика», — приказал Спартак.

Но привести его уже не могли. Пока Крикс носился по лагерю, «Тени» Агенобарба, действуя по протоколу при попытке внесения раздора, изолировали источник. Они нашли галла в палатке. Тот был мёртв. При осмотре нашли крошечный, пустой сосуд с остатками быстродействующего яда в его рукаве. Самоубийство? Или его убрали свои же, римские кураторы, чтобы он не проговорился под пытками?

— Римская игра, Крикс, — сказал Спартак, глядя на тело. — Они пытаются расколоть нас. И ты, как мальчишка, клюнул на первую же удочку. Ты поставил под удар весь альянс. Из-за твоей вспыльчивости могла начаться резня между нами и понтами. Этого и ждал Красс.

Крикс стоял, опустив голову. Ярость сменилась жгучим стыдом.

— Но... почему он знал про Умбрию? Про охрану повозок?

— Потому что у Красса есть уши и глаза, — ответил за Спартака Дазий. — Возможно, это общие рассуждения любого толкового стратега. Возможно, утечка информации от союзников. — Он многозначительно посмотрел в сторону лагеря самнитов. — Наша задача — не поддаваться на провокации, а укреплять дисциплину и бдительность. И доверять тем, кто уже не раз доказывал свою верность.

Спартак спустился с повозки и подошёл к Криксу. Он положил руку ему на здоровое плечо.

— Ты мой брат по оружию, Крикс. С того дня в школе Батиата. Я не торгуюсь с Римом. У меня с Римом один разговор — на языке огня и меча. И этот разговор будет доведён до конца. Пойми: всё, что у нас есть — это доверие друг к другу. Если мы его потеряем, мы проиграем, даже не вступив в бой. Иди. Успокой своих людей. Утром мы выступаем. Все вместе.

Крикс кивнул, не в силах вымолвить слова. Он повернулся и, сгорбившись, пошёл прочь, разгоняя своих галлов.

— Ловко, — пробормотал Эномай, когда те ушли. — Но яд... это римляне его убрали?

— Неважно, — сказал Спартак, глядя в ночную тьму. — Важно, что система сработала. «Тени» сдержали горячих голов. Дазий был на месте с контраргументами. Охрана не пропустила толпу. Механизм проверен на вредительство. Он выдержал. Но песок в шестерни попал. И это только начало.

Он повернулся к Агенобарбу, появившемуся из темноты как призрак.

— Удвой слежку за всеми, кто имел доступ к информации о маршруте. И за нашими союзниками. Кто-то проболтался. Найди этого «кого-то». И сделай так, чтобы это больше не повторилось. Тихо.

Агенобарб кивнул и растворился во тьме.

— И всё-таки, — тихо сказал Дазий Спартаку, когда они остались одни, — было ли в том свитке хоть слово правды? Относительно... отдалённых планов?

Спартак посмотрел на него. В его глазах отражались далёкие звёзды и бездна холодной решимости.

— Мои планы не включают сделок с Римом, Дазий. Они включают его полное уничтожение. А что будет после... после будет видно. Но я не предаю тех, кто пошёл за мной. Это единственная клятва, которая для меня что-то значит. Все остальные — инструменты. В том

числе и Совет Трёх. И когда инструмент выполнит свою задачу... его можно будет переделать. Или выбросить. Но не раньше.

Он вошёл в повозку, оставив Дазия на холодном ночном воздухе с непривычно колючей мыслью: они все были частью великого, безжалостного механизма. И благодатью и ужасом было то, что этот механизм пока что вёл их к свободе. Но куда он свернёт завтра — не знал, наверное, даже сам его создатель.

Глава 5

ГЛАВА 5. ПУТЬ НА СЕВЕР И КРОВЬ ЭТРУРИИ

Три дня марша на север, в сторону извилистых долин Умбрии, стали проверкой на прочность не для армии, а для самого союза. Дороги, ещё хранящие следы римского мощения, вились между холмов, поросших виноградниками и оливковыми рощами. Воздух пахнул свободой и... тревогой.

Армия двигалась как единый организм, но внутри этого организма кипели свои процессы. Понтийская фаланга, непривычная к долгим переходам в тяжелых доспехах, отставала, создавая пробки. Самниты, легкие и стремительные, рвались вперед, постоянно нарушая заданный темп. И лишь «железный легион» Спартака и «ударные когорты» Крикса двигались с монотонной, неумолимой точностью метронома, задавая ритм всему маршу.

Спартак, как всегда, находился в седле в голове колонны, но его сознание было разнесено по всей длине растянувшейся на мили армады. Через систему конных курьеров и сигналов флагами (упрощенная семафорная азбука, введенная им и Дазием) он получал донесения каждые полчаса. Его «механизм» работал, но скрипел.

— Отряд Мутила снова ушёл вперёд на два перехода, — докладывал Бренн, подъехавший с разведки. Его лёгкая конница металась по флангам, как стая беспокойных птиц. — Они наткнулись на римский патруль у переправы через Кланис. Перебили его, но подняли шум. Теперь о нашем приближении знает вся Умбрия.

— Предупреждал его, — без эмоций сказал Спартак. — Его гордость дороже ему, чем общая стратегия. Крикс?

— Держит свой гнев в кулаке, — ответил Эномай, ехавший справа. — Но его люди шепчутся. После истории с перебежчиком они смотрят на понтов и самнитов как на потенциальных предателей. Искра тлеет.

— Её нужно погасить не приказом, а делом, — отозвался Спартак. — И дело скоро представится. Дазий, что по разведке впереди?

Дазий, выглядевший уставшим, но собранным, развернул походную карту.

— Впереди, в двадцати милях, город Спелло. Небольшая римская колония, но ключевой узел дорог. Гарнизон — не более двух когорт вспомогательных войск. Однако есть нюанс: там находится крупное поместье Луция Аррия, одного из поставщиков зерна для армии Красса. Складские амбары полны. И... — он сделал паузу, — по данным наших агентов, там содержится около пятисот рабов, в основном из Галлии и Фракии. Каторжан, работающих в каменоломнях.

В глазах Спартака вспыхнула та самая холодная искра, которая означала принятие решения.

— Идеальная цель. Первая совместная операция Совета Трёх. Бренн, твоя конница блокирует дороги, не давая уйти гонцам. Крикс и его галлы штурмуют поместье Аррия, освобождают рабов. Эномай со «Железным легионом» берёт городские ворота Спелло. Понтийская фаланга под командованием Неоптолема обеспечивает внешнее прикрытие и демонстрацию силы у стен. Мутил со своими самнитами... — Спартак на секунду задумался. — Мутил будет отвечать за разведку и захват окружающих вилл, где могут скрываться римские солдаты. Каждой группе — свои чёткие задачи, свой сектор. Взаимодействие по сигналам. Никакой самостоятельности. Кто нарушит приказ — ответит перед Советом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.